

Светлана Бестужева-
Лада

**Жизнь
после
смерти**

Светлана Игоревна Бестужева-Лада

Жизнь после смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11824974

ISBN 978-5-4474-2276-9

Аннотация

За несколько часов до смерти некто невидимый предлагает Александру Сергеевичу Пушкину полное исцеление и возможность жить дальше. Но с одним условием: если он произнесет фразу «Зачем мне такая жизнь», все вернется к исходной точке и поэт умрет.

Пушкин принимает предложение...

Жизнь после смерти

Светлана Игоревна Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

– Я могу спасти вас, – услышал он вдруг неизвестный голос. – Вы оправитесь от раны, благополучно устроите свои дела и доживете если не до глубокой старости, то до вполне почтенного возраста...

– Я хочу жить! – беззвучным воплем отозвался он. – Я не готов умереть, не хочу! Так глупо, так бездарно...

– Согласен, глупо, – услышал он в ответ. – Но эта «глупая смерть» вознесет вас к таким вершинам славы, о которых вы и не мечтаете. Вы станете одним из самых знаменитых поэтов в мире, вам поставят памятники, вас будут называть «солнцем русской поэзии». У вас никогда не будет ни соперников, ни конкурентов. Вы станете кумиром на века...

– Посмертно, – горько усмехнулся он.

– Всею своя цена. Ваша смерть даст невиданный толчок развитию русской литературы. Появятся новые поэты, даже знаменитые, но вы... Ваши стихи будут учить в школе, как

обязательный предмет.

– А если вы меня спасете? Я погибну, как поэт? Меня забудут?

– Нет, не думаю. Но такой славы у вас никогда не будет.

Тут невидимый собеседник слегка понизил голос.

– Правда, не будут с упоением копаться в вашей интимной жизни, не будут ломать головы, кому посвящено то или иное любовное стихотворение, не станут обвинять во всем случившемся Наталью Николаевну...

– Наташа невиновна...

– Потомки посчитают иначе. И проклянут ее за второй брак.

– Какая глупость! Я сам сказал ей, чтобы носила траур три года, а потом выходила замуж за достойного человека...

– Она будет носить траур семь лет. И выйдет за весьма достойного человека. Не поэта. Всего этого ей и не простят.

– Я не хочу такой посмертной славы! Не хочу, чтобы поливали грязью мою жену. Спасите меня! Я начну новую жизнь. Видит Бог, я достаточно наказан за свои прегрешения.

– Хорошо. Но помните: если в какой-то момент вашей жизни вы пожалеете о своем решении, то все немедленно вернется на свои места. И тогда вы умрете – уже окончательно и бесповоротно.

– А если не пожалею? Хотя бы памятник мне поставят после смерти?

– Поставят, – отозвался собеседник после недолгой паузы.

зы. – Но только к двухсотлетию со дня рождения. До этого вас будут лишь изредка поминать как «купленного самодержавием» талантливоего поэта – не более того. Сейчас вы умираете мучеником, а если выживете – станете лишь «одним из». Как Жуковский, например. На пьедестал вознесут других, далеких от царей поэтов...

– Все равно, – прошептал он, – я этого не увижу. Спасите меня! Я еще напишу многое такое, что прославит меня не меньше, чем уже написанное.

– Это ваше окончательное решение?

– Да...

– Тогда я исполню ваше желание. Но если вы – хотя бы мысленно – произнесете фразу: «Да зачем мне нужна такая жизнь?», вы вернетесь сюда, на этот диван, и от смерти вас будут отделять считанные минуты. Как сейчас.

– Я не пожалею...

– Что ж, тогда живите...»

.....
На этот раз сознание возвращалось к нему медленно, словно он поднимался из невероятно глубокой воды. Но вода была прозрачной, он видел над собой дневной свет и понимал, что скоро окажется на поверхности. Понимал и страстно желал, чтобы это произошло скорее.

Одновременно он ждал возвращения боли – почти невыносимой, раздирающей, не отпускавшей его почти двое суток. Он был готов принять ее, но она почему-то медлила, не

начиналась.

«Может быть, я уже умер, – подумал он. – Исповедовался, соборовался, причастился святых даров... Я помню даже, что исповедь принимал какой-то неизвестный отец Петр, седой священник с добрыми и усталыми глазами... Когда я до этого исповедовался в последний раз?»

Этого он не мог вспомнить. Но сознание становилось все яснее, а свет – все ярче. «Сотворите же достойный плод покаяния», – сказано в Библии. И он сотворил его, он простил всех своих врагов, даже ненавистного еще недавно Дантеса. Более того, попросил сначала князя Вяземского, молившегося возле него, съездить к Дантесу и передать ему прощение. Но потом заметил в комнате княгиню Долгорукову и прошептал:

– Женщины тоньше исполняют такого рода миссии. Прошу вас, княгиня, не откажите в моей просьбе.

Княгиня кивнула и вышла, утирая слезы. В соседней комнате она сказала княгине Мещерской-Карамзиной, беседовавшей о чем-то со священником:

– Воистину, он принимает подлинно христианскую кончину.

Отец Петр кивнул:

– Я стар, мне уже недолго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имеет. Это – подлинное покаяние.

А потом... Он с усилием вспомнил, что подозвал к себе Данзаса и продиктовал ему список своих долгов, на которые не было ни векселей, ни заемных писем. Снял с руки перстень, с которым до этого не расставался, и отдал другу-секунданту на память.

– Я отомщу за тебя! – воскликнул Данзас.

– Нет, нет, мир, мир...

А потом его с новой силой пронзила боль и он стал стремительно падать в черную бездну, слыша откуда-то издали горький женский плач. Натали, Наташа, любимая жена, упавшая в обморок, когда его, окровавленного внесли в дом. Бедная, как же ей тяжело!

И вот теперь все, похоже, начинается заново...

Хотя, если нет боли, то, может быть... Нет, врач же ясно сказал ему, что рана – смертельна. И другие подтвердили... Доктор Шольц первым прибыл к нему вместе с доктором Задлером. Раненый попросил всех удалиться из кабинета, протянул доктору Шольцу руку и сказал:

– Плохо со мною! Я чувствовал при выстреле сильный удар в бок, и горячо стрельнуло в поясницу, дорогою шло много крови, – скажите мне откровенно, как вы рану находите?

– Не могу вам скрывать, что рана ваша опасная.

– Скажите мне, – смертельная?

– Считаю долгом вам это не скрывать, – но услышим мнение Арендта и Саломона, за которыми послано.

– Спасибо! Вы поступили со мною, как честный человек, – при сем рукою потер он лоб. – Нужно устроить свои домашние дела.

Через несколько минут сказал:

– Мне кажется, что много крови идет?

Врач вновь осмотрел рану и наложил новый компресс.

– Не желаете ли вы видеть кого-нибудь из близких приятелей? – осведомился он.

– Прощайте, друзья, – сказал раненый, обводя глазами свою библиотеку. – Разве вы думаете, что я час не проживу?

– О, нет, не потому, но я полагал, что вам приятнее кого-нибудь из них видеть... Г-н Плетнев здесь.

– Да, но я бы желал Жуковского. Дайте мне воды, меня тошнит.

Послали за Жуковским, приехали доктора Арендт и Соломон – и началась эта изнурительная борьба с болью и смертью, борьба, закончившаяся приходом священника.

Да, еще Арендт привез записку от императора, в которой говорилось:

«Если бог не приведет нас свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся; я беру их на свои руки».

Он знал: императору можно верить. Сколько бы ни ходило в свете пакостных слухов о якобы существующей связи между Николаем Романовым и Натальей Пушкиной, он

знал подлинную цену этих слухов. И какого же дурака он сваял, когда позволил великосветским бездельникам и завистникам втянуть его в эту авантюру с дуэлью! А все бешеная ревность, унаследованная от покойной маменьки, урожденной Ганнибал. Арабская, горячая кровь и в четвертом поколении давала о себе знать.

Ревность... Он горько усмехнулся: вместе с сознанием к нему с удивительной ясностью пришло понимание того, что он получил лишь то, чего заслуживал. За сколькими замужними дамами он волочился, скольких на самом деле обесчестил, причем сплошь и рядом бахвалился своими победами и в разговорах с приятелями, и в письмах к друзьям. Если бы все оскорбленные им мужья вызывали его на дуэль...

И ведь он прекрасно знал, что его жена – невинна, что она лишь принимала дозволенные светскими приличиями знаки поклонения ее удивительной красоте. И сам-то женился именно на красавице, хотя по уму должен был бы искать невесту с приданным, а не с красотой. Неужели не понимал, что места себе не будет находить от ревности? И вот теперь всему конец.

В глазах окончательно прояснилось, он увидел знакомый кабинет, ряды любимых книг и кресло рядом с диваном. В кресле кто-то сидел, но он еще не мог разглядеть, кто именно. Мужчина? Женщина? Да, женщина. Александрина, старшая сестра его жены. Влюбленная в него свояченица. А где же Наташа?

– Что Натали? – прошептал он едва шевеля губами. – Как она?

Александрина вздрогнула, побледнела и наклонилась к нему.

– Вы опять страдаете, Александр? Сейчас я позову доктора...

– Что Натали? – повторил он уже чуть громче.

– Недавно заснула.

Александрина встала с кресла и направилась к двери, шелестя шелком темного платья.

– Не уходите, – попросил он. – Не нужно никого звать.

Но она уже скрылась за дверью.

Значит, жена все-таки заснула. Бедняжка, как она мучилась из-за него все это время, как билась в рыданиях, обвиняя во всем себя и в то же время клянясь в своей невинности. Сейчас он нашел бы достойные слова для ответа, но тогда невыносимая боль не давала ему сосредоточиться ни на чем другом.

Боль...

Он прислушался к себе: боли не было, остались лишь слабые ее отголоски. И жажда уже не мучила. Неужели Господь смилостивился? Неужели он все-таки будет жить и эта нелепая дуэль забудется, как страшный сон? Не может быть...

Вошел доктор Арендт, привычным жестом взял его за запястье – проверить пульс. Потом начал осмотр раны, и постепенно выражение озабоченности на его лице сменилось

удивлением:

– Вы испытываете прежнюю боль, господин Пушкин? – осторожно осведомился врач.

Пушкин покачал головой. Нет, он не испытывал прежней боли. Но не значило ли это, что просто пришел конец всему? Он с минуту на минуту умрет, поэтому и нет никакой боли. И больше никогда не будет.

– Я умираю? – спокойно спросил он.

Арендт выпрямился и ответил:

– Напротив, господин Пушкин, у меня появилась надежда. Воспаление в ране начинает проходить. Но это невозможно!

– Почему?

– Да потому, что ваша рана была смертельной, уж я-то насмотрелся на своем веку на всяких пациентов. Чудо, что вы пережили сегодняшний день. Если ночь пройдет спокойно, то...

– То – что?

– То я употреблю все свои знания для того, чтобы вы поправились.

Надежда. Сначала робкая, а потом все более яркая надежда начала зарождаться в груди Пушкина. Он хотел приподняться, но сил не было даже просто шевельнуть рукой.

– Сейчас я дам вам лекарство, – продолжил доктор. – Вам нужно заснуть. Силы восстанавливаются во время сна, это всем известно.

Пушкин слабо улыбнулся. Да, ему нужно просто выпаться. Несколько суток перед этой нелепой дуэлью он практически не спал, потом испытывал слишком сильные страдания, чтобы забыться целительным сном. Теперь он заснет, как заснула Наташа. Наверное, она своим чутким сердцем поняла, что опасность миновала. Господи, сколько же горя он ей принес! И ей, и всем своим друзьям...

– Они там? – спросил он у Арендта.

Доктор не сразу понял вопрос, но потом лицо его прояснилось и он кивнул:

– Дом полон народа, господин Пушкин. Все ваши друзья, ваши близкие... И толпа у крыльца...

Толпа у крыльца? Пушкин изумился совершенно неподдельно. Понятно, что друзья волнуются о его здоровье, сочувствуют Натали, но толпа...? Доктор, наверное, что-то путает.

– Люди волнуются, – ответил на его невысказанный вопрос Арендт. – Прошел слух, что вы умираете. Они требуют покарать убийц.

– Убийц? – еще больше изумился Пушкин. – Я стрелялся с господином Дантесом... боже, какая глупость!.. была дуэль. Какие убийцы?

– Не думайте об этом, – мягко сказал Арендт, поднося к губам Пушкина рюмку с бесцветной жидкостью. – У вас еще будет время, масса времени. Только берегите силы.

Пушкин хотел было возразить, что он вполне в силах от-

личить вымысел от правды, что никаких убийц не было и быть не могло, что он... Но мягкая пелена незаметно опустилась на его лицо, глаза закрылись и он погрузился в очередной глубокий, но на сей раз куда более спокойный сон.

А доктор Аренд потребовал подать ему шубу и быстро вышел из дома, стараясь быть как можно незаметнее. Толпа возле дома Пушкина действительно собралась изрядная, то тут, то там раздавались призывы «бить проклятых французов» и прочие менее пристойные выкрики. К счастью, мало кто знал доктора Арендта в лицо и ему удалось довольно быстро сесть в санки.

– В Зимний, – приказал он кучеру.

В Зимнем дворце – он знал – император ожидал известий о состоянии Пушкина, и Арендт непременно должен был доложить государю о том, что, кажется, Господь сотворил чудо и поэт останется жить. Император будет доволен, его тревога за жизнь поэта была неподдельной. И еще больше беспокоило его положение молодой жены Пушкина, которая могла вот-вот остаться вдовой с четырьмя детьми на руках...

Красивых женщин император любил не меньше, чем все нормальные мужчины, а Наталья Николаевна пробуждала в нем еще и сентиментальные воспоминания о поре его жениховства, когда он был страстно влюблен в юную прусскую принцессу Шарлотту, такую же нежную, почти неземную красавицу.

Сейчас императрица, конечно, состарилась и поблекла, но

для него она всегда оставалась обожаемой Шарлоттой, его маленькой птичкой, которую он тщательно оберегал от всех житейских бурь. Врачи запретили ей иметь еще детей, теперь их отношения были безгрешны, но он по-прежнему любил жену. А маленькие интрижки императора с придворными дамами, фрейлинами, да и с простыми жительницами Петербурга императрицу не волновали, она просто закрывала на них глаза, не желала ничего знать.

Хорош бы он был, заведи роман с госпожой Пушкиной! Уж об этом императрица непременно узнала бы. Да и соблазнять порядочную женщину, мать четверых детей – нет! Комплименты, улыбки, один-два танца – это все, что он себе позволял по отношению к Наталье Николаевне. И все равно вокруг роились грязные сплетни. Низкие людишки, их не переделаешь!

– Ну что? – спросил император вошедшего в его кабинет Арендта. – Надеюсь, наш поэт...

Он не закончил фразу. Сказать: «умирает истинным христианином» показалось ему вдруг пошлым, а сказать «отдал Богу душу» – просто неприличным. Вся эта история вообще стоила ему немало нервов. В ближайшие дни он примерно накажет всех, кто принимал участие в организации этой мерзости. Прежде всего – вышвырнет из России красавчика Дантеса вместе с его приемным отцом, бароном Геккереном. Слишком уж темные слухи ходили об этой парочке, а тут еще эта дуэль.

А потом прикажет Бенкендорфу найти тех, кто составлял взбесивший Пушкина «диплом». И пусть молят Бога, если отделаются пожизненной ссылкой в свои имения, а не Сибирью.

– Ваше величество, – с поклоном отозвался доктор, – боюсь обнадеживать вас раньше времени, но, кажется, свершилось чудо. Пушкин еще жив и состояние его заметно улучшилось.

– Слава Богу! – непроизвольно вырвалось у императора. – Может быть, теперь он будет вести жизнь, достойную его. Не зря же мы назначили его придворным историографом.

Действительно, Николай I сделал своеобразный свадебный подарок Пушкину, назначив его на эту должность летом 1831 года с поручением писать историю Петра I. Пушкин общал об этом Плетневу в таких выражениях:

«Царь взял меня на службу, но не в канцелярию, или придворную, или военную – нет, он дал мне жалованье, открыл мне архивы, с тем, чтобы рылся я там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: «Так как он женат и не богат, то надо поддержать его хозяйство».

Таким образом, Пушкину была устроена под предлогом писания истории некая синекура с жалованием по 5 тыс. рублей в год. А в 1834 году Пушкин был пожалован в камер-юнкеры, исключительно ради того, чтобы дать возможность его прекрасной супруге появляться на придворных балах.

До императора доходили слухи, что Пушкин не слишком

доволен – «дали чин, как безусому мальчишке» – но на придворные празднества являлся исправно, даже когда жена не могла появляться в свете. Немудрено: за шесть лет брака четверо детей и два выкидыша, какие уж тут «вихри бала».

Кивком головы император отпустил врача, бросив на прощание загадочную фразу:

– Мы подумаем над этим делом.

Это могло означать, что угодно: Николай не был любителем рассуждать о том, как он намерен поступить в том или ином случае. Он думал – иногда довольно долго – а потом принимал решение, порой самое неожиданное. А приняв, уже никогда не менял его.

.....

Это пробуждение было легче и приятнее, чем предыдущее. Пушкин, проспав почти десять часов почти спокойным сном, сразу открыл глаза и осознал, где находится. Рана не болела – тупо ныла, но это были уже такие пустяки по сравнению с тем, что пришлось перенести.

На сей раз в кресле рядом с диваном сидела уже не Александрина, а сама Наталья Николаевна. Похудевшая, измученная, с ввалившимися глазами – точно после тяжелой болезни. Увидев, что муж проснулся, она порывисто наклонилась к нему:

– Что, Саша? Пить? Позвать врача? Как ты?

– Ох, женка, – слабо улыбнулся ей Пушкин, – напугал я тебя, кажется, изрядно. Хороший урок нам обоим.

– Я... – начала Наталья Николаевна.

– Не надо, я все знаю. Ты не виновата передо мной, мой ангел, а я кругом виноват. И перед тобой, и перед детьми, и перед всеми... Повел себя, как глупый безусый мальчишка, поделом же мне.

– Ты поправишься, – не совсем уверенно произнесла Наталья Николаевна.

– Обязательно поправлюсь, вот увидишь. И все будет совсем по-другому. Весной уедем с детьми в Болдино, там мне всегда легко дышалось. Еще когда ты была моей невестой... Помнишь, какие письма я тебе писал?

– Помню, – прошептала Наталья Николаевна со слезами.

– Ну, полно, мой ангел, теперь-то что же плакать? Или жалко расставаться с Петербургом?

– Да будь он проклят, этот Петербург! – с неожиданным пылом воскликнула Наталья Николаевна. – Уедем, Саша, в Болдино, будем там тихо жить с детками...

Пушкин прижал к губам узкую, нежную ладонь жены и закрыл глаза. Да, теперь все в их жизни будет по-другому. Он займется, наконец, исполнением множества замыслов, которые рождались у него в последнее время.

Еще в 1832 г. он задумал повесть «Мария Шонинг», в основе которой лежала история девушки и вдовы, казненных за мнимое преступление. От повести сохранились только два начальных письма, когда и кроткая героиня, и ее подруга еще не успели испытать всех ужасов нужды и жестоких за-

конов, но уже началась война между несчастной сиротой и бессердечным обществом.

С этим сюжетом совпадало и его стремление к изображению современного общества, «как оно есть»: в 1835 году возник замысел романа «Русский Пельгам», к которому вдохновил его юношеский социальный роман Бульвера: «Пельгам или приключения джентльмена»...

Ничего так и не было сделано, остались лишь разрозненные наброски... В обоих сохранившихся планах Пушкина герой очищается от своего легкомыслия страданием и тем, что считается в глазах общества падением (он сидит в тюрьме по обвинению в уголовном преступлении).

И ведь уже три года назад, живя в том же самом Болдино, он сам писал жене:

«Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно, когда лет 20 человек был независим... О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические – семья...»

Благие намерения так и остались лишь намерениями. Хотя в стихотворении того же времени собственной рукой начертал сокровенно-пророческое:

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит

Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь – как раз – умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег...»

Напророчил: чуть было не умер. Но теперь уже его ничто не заставит свернуть с избранного пути. Смерть подошла вплотную и ослепительно-ярко осветила всю его жизнь, все, что было в ней бурного, болезненного, данью человеческой слабости, обстоятельствам, обществу... Вся желчь, которая копилась в нем целыми годами и особенно – последними месяцами мучений, казалось, ушла вместе с кровью из раны: он стал другим человеком.

Собственно говоря, эта нелепая дуэль лишь подтолкнула Пушкина на тот путь, который он сам себе избрал в последний год. Он давно он думал и хлопотал об издании журнала «Современник», и даже приступил к нему, желая сделать журнал с благородным, серьезным тоном и характером, которое могло бы противодействовать легкому, насмешливому взгляду на литературу, развивавшемуся тогда в «Библиотеке для чтения». В журнале Пушкина приняли участие Гоголь, Жуковский, князь Вяземский. Сам поэт чрезвычайно много работал для журнала, однако размещал в нем лишь прозаические статьи. К стихам же почти охладел, если не считать произведений... религиозного характера.

Пушкин глубоко вздохнул: Ангел-хранитель так явственно указывал ему путь, по которому следовало идти, а он пренебрег указанием, ввязался в нелепую светскую интригу. А ведь занимался в последнее время переложением житий святых и уже готов был принять участие в составлении «Словаря святых, прославленных в российской церкви». Но уж теперь-то он воплотит все эти задумки в жизнь. Теперь он и жить-то будет совсем по-другому.

— Что дети? — спросил он у жены, не открывая глаз. — Благополучны, здоровы?

— Все хорошо, Сашенька, — отозвалась Наталья Николаевна, даже не пытаясь скрыть изумление, прозвучавшее в ее голосе. — Все благополучны, все здоровы. Гришенька вот-вот на ножки встанет, а Машенька уже говорит вовсю, точно взрослая. Вот поправишься...

Пушкин ощутил резкий укол совести: четверо детей, а он думал о чем угодно, только не о них. А как сам обижался на родителей, когда те порхали по балам и приемам, не обращая на детей ни малейшего внимания. Нанимали учителей, гувернанток — да, воспитание он и его старшая сестра и младший брат получили отменное. Но вот родительской любви — очень мало. Выходит, он повторяет то, в чем упрекал собственного отца? Как глупо и как жестоко...

Он так и не отпускал руку жены, а Наталья Николаевна боялась шелохнуться, чтобы не испугнуть то новое, что появилось в ее всегда непредсказуемом супруге. Даже слезы не

вытирала, которые тихо лились из ее уже давно заплаканных глаз. О детях спросил... всех простил... Господи, неужто и впрямь этот кошмар может пойти им во благо?

Она не лукавила, когда говорила, что Петербург ей опостылел. Она так и не привыкла к нравам высшего света, не умела, подобно другим дамам быть холодно-расчетливой и ловко прятать свои увлечения и грешки под маской напускного целомудрия. Знала, муж хотел бы видеть в ней тот идеал, который описал в «Евгении Онегине»: сиятельную княгиню, кумир гостиных, неприступную добродетель. Но она-то в глубине души все еще оставалась провинциальной простушкой, которую Бог наделил необыкновенной красотой...

Болдино, так в Болдино... Жизнь там во много раз дешевле, чем в столице, прекратятся вечные неприятности с поставщиками провизии, модистками, каретниками и тому подобными людьми. Может быть, постепенно и долги выпластятся, а там дети подрастут, нужно будет всерьез думать об их воспитании...

Она очнулась от деликатного стука в дверь. Пришел доктор Арендт...

– Что ж, госпожа Пушкина, – говорил он ей час спустя, – теперь я с чистой совестью могу поручиться за жизнь вашего супруга. Могучий у него организм, такую рану получить – и остаться в живых.

– Божиим промыслом, – тихо произнесла Наталья Николаевна. – На все воля Его, господин доктор. Саша... госпо-

дин Пушкин желает уехать из Петербурга в имение. Совсем уехать.

– Мысль весьма здравая. Только месяц-другой с поездкой придется повременить. А снег сойдет, дороги установятся – первый же благословлю ехать на свежий воздух, да деревенское молоко. В Михайловское собираетесь?

– Нет, – покачала головой Наталья Николаевна, – в Болдино. Там и теплее, и дом лучше. Я сама, правда, не видела...

Она действительно своими глазами не видела ни Михайловского, о котором Пушкин довольно редко вспоминал, ни Болдино, откуда еще женихом слал он ей нежные послания, смертельно беспокоясь о том, что невеста осталась в Москве, где всю бушевала холера. А потом поехать в родовое имение Пушкиных помешала очередная беременность. Так что все, что она знала об этих местах, было почерпнуто только из писем, да редких разговоров.

И еще – из того же «Евгения Онегина», где Пушкин запечатлел болдинский дом в описании деревенского приюта героя:

«Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен,
Во вкусе умной старины...»

Дом соснового и дубового леса, одноэтажный, с мезонином, обшит тесом. Охристо-белого цвета. Веранда... Комна-

ты, наполненные старинной мебелью...

Бог даст, она увидит все своими собственными глазами.

.....

Силы к нему возвращались – медленно, но неуклонно. Он уже мог подолгу сидеть, опираясь на подушки, появился аппетит, о недавних чудовищных болях он почти забыл. Зато все чаще и чаще приходили мысли о том, как глупо и бесшабашно он тратил свои лучшие годы, сколько времени, не говоря уже о деньгах, отдал пагубной страсти к картам, сколько злых и обидных для многих людей стихотворений написал. Возомнил себя гением, впал в смертный грех гордыни, вот Бог его и наказал... почти смертельно.

А что было на самом деле? Три года после окончания Лицея он прожил в Петербурге, числясь на государственной службе, но не утруждая себя ею ни на секунду. Конкретно: получил чин коллежского секретаря (в котором и оставался потом до самой своей смерти) и был зачислен в Коллегию иностранных дел. Так было и с Грибоедовым, но тот делал блестящую дипломатическую карьеру, а Пушкин... порхал по великосветским гостиным и писал такие стихотворения, которых нельзя было печатать и которых впоследствии он сам же и стыдился – едкие эпиграммы и скабрезные стишки.

Еще в Лицее напутствованный благословением Державина, ободренный потом благосклонностью Карамзина, юноша-поэт скоро обратил на себя внимание Жуковского и других заслуженных писателей, введен был в Арзамасское об-

щество литераторов, познакомился с Катениным, у которого была заслуженная репутация умного и объективного критика.

Но в глубине души всегда знал, что не пишет стихов «от сердца», а лишь играет, сочиняя стихи, благо Бог наградил его легким пером. Даже поэма «Руслан и Людмила», которую он написал в 1820 году и по прочтении которой Жуковский подарил Пушкину портрет свой с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя», была закончена уже во время его южной ссылки и, в общем-то, перехвалена. Это, впрочем, не мешало Пушкину гордиться репутацией «известного поэта». А ведь честнее было бы сказать: «скандально известного поэта».

Правда, были и другие стихи, стыдиться которых не приходилось, но... Его лицейский друг Пущин вспоминал:

«Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его „Деревня“, „Ода на свободу“, „Ура, в Россию скачет...“ и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который бы не знал его стихов».

Ну, и аукнулась же ему эта популярность. Уж на что Александр I был либеральным императором, и то, потеряв всякое терпение, хотел сослать дерзкого рифмоплета в Сибирь или на Соловки.

Хлопоты друзей, а главное, заступничество кроткой и мягкосердечной императрицы, к которой пламенно воззвал Жуковский, смягчили участь поэта – ему было приказано

ехать на юг с назначением в канцелярию генерал-лейтенанта Инзова. Официально это называлось «служебной командировкой», но ни о какой службе опять и речи не было. Хотя бы потому, что для начала он несколько месяцев пропутешествовал по Кавказу и Крыму вместе с семейством генерала Раевского, героя Бородинской битвы.

У генерала было три дочери – Екатерина, Елена и Мария, все три были красавицами, причем каждая в своем роде. Влюбчивый Пушкин долго не мог сделать выбор между «тремя грациями» и, наконец, успокоился воспеванием самой юной – Марии, еще почти девочки, с которой можно было и бегать наперегонки вдоль прибоя, и посвящать ей полуболевные, в высшей степени пристойные стишки. Мария была так молода, что генерал смотрел на все это сквозь пальцы.

Мария... Эта девочка пять лет спустя, едва повзрослев, была выдана отцом за князя Волконского, а после событий на Сенатской площади стала живой легендой: первой из жен декабристов отправилась за мужем в глухой сибирский острог. Это высокое понимание чувства долга внушило Пушкину такое уважение к молодой княгине, которого он не испытывал, пожалуй, ни к одной другой женщине.

Но это было позже. А пока Пушкин превесело проводил время в Бессарабии при снисходительном попустительстве своего «начальника» – генерала Инзова, играл в бильярд и карты, ввязывался в мелкие и крупные скандалы (два из

них закончились дуэлями) и писал, писал, писал... «Кавказский пленник», «Гаврилиада», «Братья-разбойники» – это было сочинено в Бессарабии. Тут же были написаны романтические поэмы и множество стихотворений (среди них такие известные, как «Черная шаль», «Кинжал», «Чаадаеву» и «Песнь о вещем Олеге»).

Гораздо более зрелые, чем «Руслан и Людмила», эти произведения принесли Пушкину громкую всероссийскую известность. Они, по словам Белинского, читались всей грамотной Россией и ходили во множестве списков. В Кишиневе же Пушкин начал «Бахчисарайский фонтан» и «Евгения Онегина». Но летом 1823 года его перевели в Одессу: генерал Инзов уже не мог оградить от неприятностей своего своеобразного «подчиненного», который умудрился испортить отношения со слишком многими влиятельными и богатыми людьми.

Но и в Одессе... Пушкин даже поморщился, как от зубной боли, вспомнив свои приключения в этом городе и, главное, те глупо-задиристые письма, которые он оттуда писал не только друзьям, но и почти незнакомым людям. Поссорился с Александром Раевским, старшим сыном генерала, и не на ровном месте, а из-за прекрасных глаз графини Воронцовой – Елизаветы Ксаверьевны, избалованной красавицы, которая умело кокетничала со всеми своими многочисленными поклонниками, доводя их до отчаяния. Ах, прекрасная Элиз, сколько раз ему казалось, что победа уже в его руках,

но графиня вновь ускользала и делалась равнодушно-холодной.

А ведь был еще муж, к которому... Да, к которому он ревновал его собственную жену. Пушкин горько усмехнулся: вот уж действительно, какой мерой меришь, такой и отмерится. Злился, писал на графа злые, даже просто оскорбительные эпиграммы, злословил за его спиной. Немудрено, что даже славившийся своим «британским хладнокровием» Воронцов вышел из себя и обратился к императору с просьбой избавить его от «бездельника, ловеласа и бретера».

И немудрено, что император Николай Александрович просьбу графа уважил, приказал уволить возмутителя спокойствия со службы и отправил в ссылку. Не в Сибирь – хотя многие были бы счастливы известию о таком путешествии Пушкина, а всего-навсего в Псковскую губернию, в родительское имение Михайловское. В самую что ни на есть деревенскую глушь. Вот где Пушкин понял, что такое бешеная тоска.

Впрочем, как все Пушкины, Александр Сергеевич был скор на переходы. И вот он уже наслаждается чтением книг из довольно обширной родовой библиотеки, готовит к печати первый сборник стихов, поэму «Бахчисарайский фонтан», до которой, кстати, на юге все руки не доходили. И, конечно, находит столь необходимое ему женское общество: по соседству жила еще молодая вдова Прасковья Вульф с дочерьми Анной, Алиной и совсем еще девочкой Евпраксией

– Зизи.

Естественно, он начал волочиться за всеми сразу, даже Зизи не обошел своим вниманием, хотя и обращал это в шутку. Теперь уж и не вспомнить, какой из них что говорил, с кем целовался, кому стихи посвящал. Всем сразу, наверное, ведь по-настоящему даже влюблен не был. А тут еще приехала родственница соседки, молодая генеральша Анна Керн, репутация которой была самой что ни на есть скандальной. Но зато прехорошенькая...

Дернул же его черт именно ей отдать стихотворение «Я помню чудное мгновенье». Собственно говоря, она его просто отобрала, простодушно посчитав, что именно ей оно и посвящено. И, конечно же, вернувшись с любовником в столицу, раззвонила об этом во всех домах, где ее еще принимали.

«Так вот рождаются легенды, – саркастически усмехнулся Пушкин. – А того, что было на самом деле, никто толком и тогда не знал и сейчас не знает».

Потому что ничего не было – тогда, в Михайловском. Роман-однодневка случился у них много позже, когда Пушкин уже вернулся в Петербург, но ему и в голову не пришло посвятить хоть строчку свиданию с «гением чистой красоты». Точнее, строчку-то он посвятил, и не одну, но не в стихах, а в письмах к друзьям. В частности, назвал свою мимолетную любовницу «Вавилонской блудницей». Тоже моралист выискался! Анна Керн вела себя по отношению к мужчинам

примерно так же, как он сам – по отношению к женщинам. Нет, осудил и заклеил.

А его позорный, трусливый отказ поехать в Петербург, где друзья – он знал! – готовились воплотить в жизнь то, что он писал в своих «вольнолюбивых стихах». Заяц перебежал дорогу, и он, как темная деревенская бабка, перепугался до полусмерти «дурной приметы» и велел поворачивать лошадей обратно в Михайловское. Как потом они еще продолжали считать его «певцом свободы» – невероятно, немыслимо! Ведь он предал их, если называть вещи своими именами.

Предал – и продолжал сочинять. Поэмы «Цыганы» и «Граф Нулин», три новые главы «Евгения Онегина», трагедию «Борис Годунов», бессчетные стихи... И – ни намек на трагедию на Сенатской площади и дальнейшую участь мятежников, только торопливый набросок на полях рукописи – пятеро повешенных. Вот и все. Знаменитое «Во глубине сибирских руд» он написал много позже, потрясенный самоотверженным поступком княгини Волконской и других жен декабристов.

А в сентябре 1826 года ссылка Пушкина закончилась так же внезапно, как и началась: новый император Николай I приказал ему прибыть в Москву и после долгого разговора с опальным поэтом не только позволил ему жить в столицах, но и весьма недвусмысленно объявил, что только он лично будет решать, какие произведения господина Пушкина дозволительно печатать, а какие – нет. Да еще в частном разго-

воре с одним из придворных назвал бывшего опального поэта «одним из умнейших людей России». Казалось, жизнь началась заново, но...

Пушкин невесело усмехнулся. Ему, видно, на роду было написано не видать спокойной жизни, тем более, семейной. Пора бы остепениться, подыскать богатую невесту: карточные долги петлей сжимали горло. Так ведь нет! Вернувшись в мае 1827 года в Петербург, он повел себя по-прежнему: танцевал на балах, волочился за женщинами, играл в карты, до рассвета засиживался на холостяцких пирушках... И так без малого два года! Хотя и писал многим своим друзьям:

«Мне 27 лет. Пора жить, то есть познать счастье».

Легко сказать... Семейное счастье Пушкиным не давалось еще со времен знаменитого основателя рода, «арапа Петра Великого», Абрама Ганнибала. Тот после смерти своего покровителя, хлебнул немало лиха, а в 1731 году женился решил на гречанке Евдокии Диопер, необыкновенной красавице. Но, выданная поневоле «за арапа не нашей породы», она немедленно начала ему изменять, а муж ее истязал за это, «бил и мучил несчастную смертными побоями необычно», как сказано в протоколах следствия, «специально вделал в стену кольца, дабы вешать на них за руки жену и сечь розгами, бить плетью и батогами».

А потом посадил жену на госпитальный двор на пять лет. От этого брака родилась белая девочка – Поликсена, которой отец дал хорошее воспитание и богатое приданное, но

никогда не допускал к себе на глаза.

Потом кое-как получил развод, бросив доведенную почти до сумасшествия первую супругу на произвол судьбы. Вторично женился на апатичной и спокойной шведке Христине-Регине фон Шеберх, которая родила ему девятерых детей, как мальчиков, так и девочек. В отличие от первой светлокожей дочери, эти дети были настоящими мулатами, так что сомнений в верности жены у Абрама Ганнибала не возникло.

Один из сыновей, будущий дед поэта, Осип Абрамович женился по страстной любви на Марии Алексеевне Пушкиной – небогатой и не первой молодости девушке, пленившей его своей кротостью и грацией. Но страсть угасла так же стремительно, как и вспыхнула: после рождения первой и единственной дочери Надежды, Осип Абрамович бросил жену с ребенком и зажил холостяком в доставшемся ему от отца Михайловском, немало не заботясь о законной супруге, которая жила в Петербурге «в лютой бедности».

В селе Михайловское числилось 1974 десятины земли и около 200 крепостных, что по тем временам считалось достаточно солидным имением. Но когда Надежда Осиповна унаследовала его после смерти отца в 1806 году, от бывшей зажиточности мало что осталось: большая часть земель и крепостных были проданы, а дом пришел в запустение.

В жилах Пушкина текла не только эфиопская и шведская кровь, его предки со стороны отца были итальянского проис-

хождения, принявшие в России фамилию Чичериных. Ольга Васильевна Чичерина, бабушка, вышла замуж за человека с, мягко говоря, сомнительной репутацией. Лев Александрович Пушкин был женат на ней вторым браком, а первая его жена умерла в домашней тюрьме на соломе, поскольку супруг заподозрил ее в любовной связи с французом-гувернером, которого без церемоний повесил на заднем дворе своей усадьбы.

Со второй супругой Лев Александрович, кстати, тоже не особенно церемонился, и лиха она хлебнула полной мерой. Может быть, такое поведение было следствием пережитой в детстве травмы: отец Льва Александровича в припадке какого-то неясного бешенства зарезал свою жену в родах и затем покончил с собой.

Два его сына – Василий и Сергей – тоже не нашли счастья в семейной жизни. Василий женился на одной из первых красавиц Москвы того времени, очень скоро начал изменять ей с крепостными девками и в результате оказался разведенным, да еще и объявленным виновным, то есть вторично жениться уже не мог. Сергей взял в жены необыкновенное создание – «прекрасную креолку», свою дальнюю родственницу, Надежду Ганнибал, которая была вспыльчива, страшно гневлива, но часто при этом впадала в тяжелую для домочадцев депрессию и равнодушие ко всему окружающему.

О каком семейном счастье могла идти речь?

Семья владела родовым имением в Нижегородской губер-

нии, состоящее из сел Болдино и Кистенёвка, где насчитывалось чуть ли не тысяча душ крепостных, но которое было давным-давно заложено и перезаложено. Сергей Львович не был картежником, но деньги у него не задерживались по каким-то непонятным причинам, а супруга его была совершенно равнодушна к домашнему хозяйству, что тоже не способствовало нормальной жизни.

Так на ком жениться? Хотелось, чтобы невеста была не только богата, но и красива. Девиц на выданье в окружении поэта было предостаточно: дальняя родственница Софья Фёдоровна Пушкина, Анна Алексеевна Оленина, Екатерина Николаевна Ушакова, Наталия Николаевна Гончарова...

Сначала Пушкин посватался к Софье Фёдоровне, но его ждал отказ: невеста уже имела мужа на примете. Затем он обратил свое внимание на Екатерину Николаевну Ушакову. Дело шло к свадьбе, но внезапно Пушкин уехал в Петербург, и целый год от него не было никаких вестей. Свадьба, естественно, расстроилась, а репутация Пушкина сильно пострадала.

Следующей его избранницей стала Анна Алексеевна Оленина. Это был бы выгодный брак: отец Олениной в то время являлся директором Публичной библиотеки, а также был президентом Академии художеств. Но родители Анны были решительно настроены против этого брака, и Александр Пушкин получил категорический отказ. Немудрено: скан-

дальная репутация поэта отпугивала почтенных обывателей. Можно было восхищаться его стихами, принимать у себя, как некоего диковинного субъекта, но выдать за него замуж дочь...

Да ведь и матушка Натали Гончаровой сперва тоже ответила отказом, когда Пушкин попросил у нее руки дочери. Семейство Гончаровых занимало в обществе более высокое положение, нежели Пушкин, но тоже основательно запуталось в долгах. Необыкновенная красота Натали должна была доставить семье богатство, искали состоятельного жениха, а что мог предложить легкомысленный поэт? Свои долги? Или стихи?

Донельзя раздосадованный неудачным сватовством, он сорвался с места и уехал на Кавказ. Именно там 11 июня, неподалеку от крепости Гергеры, и произошла знаменательная встреча, описанная им самим в «Путешествии в Эрзерум»:

«Я пере; халь черезъ р; ку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорог;. Н; сколько грузинъ сопровождали арбу.

– Откуда вы? спросилъ я.

– Изъ Тегерана.

– Что вы везете?

– Грибо; да.

Это было т; ло убитаго Грибо; дова, которое препровождали въ Тифлисъ. Не думаль я встр; тить уже когда-нибудь

нашего Грибо; дова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургъ; предъ отъ; здомъ его въ Персію. Онъ былъ печалень и им; лъ странныя предчувствія. Я было хот; лъ его успокоить, онъ мн; сказалъ:

– Vous ne connaissez pas ces gens la: vous verrez qu’il faudra jouer des couteaux... (Вы не имеете представления об этих людях, вот увидите, в ход пойдут кинжалы)»

Грибоедов погиб от рук разъяренных персидских фанатиков, защищая интересы России. А от чего чуть было не погиб он сам? Точнее, из-за чего? Из-за суетности, сумасшедшей ревности, ущемленного самолюбия... Чего он ждал, когда женился на одной из самых красивых девушек того времени? Что она будет сидеть взаперти в его петербургской квартире? Хотя, возможно, он подсознательно именно к этому и стремился, не давая жене ни малейшей передышки: за шесть лет брака – четверо детей, да еще двоих не доносила...

Говорят, Нина, вдова Грибоедова, урожденная княжна Чавчавадзе, после получения известия о гибели мужа родила мертвого ребенка и совершенно удалилась от света. А ведь ей еще не исполнилось восемнадцати, и она тоже считалась одной из первых красавиц Грузии...

Интересно, как бы она повела себя, окажись с мужем в Петербурге, в вихре светской жизни? Наверное, тоже стала бы объектом сплетен и пересудов, каким бы безупречным ее поведение не было...

Он вернулся в Россию через год и снова сделал предложе-

ние Гончаровой. На сей раз оно было принято: за год ни один мало-мальски подходящий жених для красавицы не сыскался, а в семье были еще две дочери на выданье, правда, куда менее красивые, чем Натали.

Сразу после получения согласия от красавицы, Пушкин написал одному из друзей:

«Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством – Боже мой – она... почти моя... Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?»

Несмотря на то что все формальности вроде бы были обговорены, свадьба постоянно откладывалась. Александр Пушкин не находил себе места, настаивая на том, чтобы их поскорее обвенчали. Наконец причина была выяснена – у Наталии Гончаровой просто не было денег на приданое. Удивительная ирония судьбы: искать богатую невесту и найти девушку, у которой не было вообще ни копейки.

Батюшка, Сергей Львович, узнав о намерении сына жениться, выделил ему из семейного имения Болдино деревню Кистенёвку с двумястами душ крепостных. Пришлось закладывать деревню еще до свадьбы: невесте не на что было шить необходимые наряды, белье и все прочее, что полагалось иметь новобрачной. В обществе это вызвало смешки и недоуменное пожимание плечами: семейство Гончаровых

стало притчей во языцех, никто не мог припомнить случая, чтобы жених оплачивал туалеты невесты и все обзаведение для молодых, разве что речь шла о явной бесприданнице. Больше всех пострадали старшие сестры: немногие имевшиеся у них поклонники отшатнулись, убоявшись такой же участи.

В результате после свадьбы обе сестры поселились у молодой четы Пушкиных, что вовсе не упрощало финансового положения семьи, скорее, наоборот. Теперь Екатерина замужем за Дантесом – вынужденный брак с его стороны, тщетная попытка избежать дуэли с ревнивым мужем прекрасной Натали, и пылкое обожание уже не первой молодости со стороны Екатерины Гончаровой.

На днях жена обмолвилась, что чета Дантесов выслана из России именным указом императора. И слава Богу!

Словно в ответ на его мысли в кабинет осторожно вошла старшая сестра Натали – Александра, миловидная, но уже не первой молодости девушка. Он всегда отличал умницу Азиньку, но относился к ней с братской нежностью, что бы там ни шептали злопыхатели.

– Александр, к вам Василий Андреевич. Вы в состоянии его принять?

– Вполне, Азинька, мне сегодня еще лучше, чем вчера. А ты что такая грустная?

– Вам показалось...

Опять, наверное, ее робкий поклонник Россетти не ре-

шился на объяснение. Второе сватовство не задается, а годы идут...

– Так проси же!

Он поудобнее устроился в подушках. И то правда: с каждым днем сил становилось больше, а горечь и злость, отравлявшие его жизнь последние месяцы, словно по волшебству исчезли куда-то.

Василий Андреевич Жуковский вошел с бодрой улыбкой, которая тут же сменилась куда более естественным для него выражением спокойствия и приветливости.

– Ну, сегодня совсем молодцом, друг мой, – проговорил он, усаживаясь подле дивана. – А я с новостями, причем одна хорошая...

– А вторая? – загорелись любопытством глаза Пушкина.

– А вот о второй, братец ты мой, даже не знаю, как и рассказывать. И не рассказать не могу, уж очень тесно она с первой связана.

– Да не томи, Василий Андреевич, – взмолился Пушкин. – Что за таинственная новость?

– В Петербурге новый поэт объявился.

– Удивил! – захохотал Александр. – Да сейчас каждый мальчишка стишками бумагу марают!

– Это не мальчишка... Я узнавал, он писал раньше, публиковался даже в каком-то московском журнале, но критики его не заметили. Тогда он обиделся и больше ничего уже в печать не давал. Хотя стихи писал по-прежнему. А когда

прошла весть, что ты, душа моя, то ли при смерти, то ли уже умер, сей поэт написал весьма гневное стихотворение на эту тему и...

– Примета хорошая: жить долго буду, – быстро вставил Пушкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.